

На правах рукописи

Крюков Алексей Михайлович

**Ученая традиция и провинциальные реалии
в гомилиях митрополита Афинского Михаила Хониата
(1182–1205 гг.)**

раздел 07.00.00 — исторические науки
специальность 07.00.03 — всеобщая история (Средние века)

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научные руководители —
академик РАН, профессор
С.П. Карпов;
доктор исторических наук,
профессор И.С. Чичуров

Москва — 2015

Работа выполнена на кафедре истории средних веков исторического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова».

Научные руководители: **Карпов Сергей Павлович**, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова;

Чичуров Игорь Сергеевич, доктор исторических наук, профессор кафедры древних языков исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Официальные оппоненты: **Куц Татьяна Викторовна**, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой древнего мира и средних веков департамента «Исторический факультет» Института гуманитарных наук и искусств ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»;

диакон **Ермилов Павел Валерьевич**, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры систематического богословия и патрологии НОУ ВПО «Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет».

Ведущая организация: ФГБУН Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук (СПБII РАН)

Защита состоится « ____ » _____ 2015 г. в _____ на заседании Диссертационного совета Д 501.002.12 на базе Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119992, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4 (Шуваловский корпус), МГУ, исторический факультет, аудитория А-416.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке МГУ имени М.В. Ломоносова (по адресу: 119991, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, Фундаментальная библиотека), а также на сайте <http://www.hist.msu.ru> .

Автореферат разослан « ____ » _____ 2015 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент

Никитина Т. В.

Общая характеристика работы

Диссертационное исследование посвящено церковному красноречию Михаила Хониата — выдающегося византийского интеллектуала рубежа XII–XIII вв., в период 1182–1205 гг. занимавшего Афинскую митрополицию кафедру. Михаила Хониата можно отнести ко «второму ряду» писателей его времени. Причина этого не в недостатке учености или таланта, а в том, что Афинскому митрополиту, в отличие от его наставника, выдающегося филолога Евстафия Солунского, или его брата, знаменитого историка Никиты, не довелось создать какое-либо произведение, интерес к которому надолго пережил бы его создателя. Всё его творческое наследие состоит из текстов «малого жанра», которые любому образованному византийцу приходилось создавать просто ради поддержания своего статуса. Уникальность Михаила Хониата, однако, заключается в том, что его сочинения сохранились с необычайной полнотой и, судя по всему, именно в том виде, как их подготовил к изданию сам автор. Это относится и к церковному красноречию Афинского митрополита, которое распадается на две неравных части: немногочисленные «тематические» поучения и подборка так называемых оглашений (*κατηχήσεις*), из года в год произносившихся Михаилом с авмвона храма богородицы Афиниотиссы (древнего Парфенона) в период его святительского служения. Именно этой части творчества интересующего нас автора и посвящено наше диссертационное исследование.

Актуальность исследования в первую очередь обусловлена тем обстоятельством, что нашим основным источником служат огласительные поучения Афинского митрополита, известные по двум московским рукописям (Син. Греч. 230 и 262; № 218 и 219 соответственно по каталогу архим. Владимира), некогда доставленным Арсением Сухановым из Иверского монастыря на Афоне и в настоящее время хранящимся в Государственном Историческом музее¹. Наиболее

¹ Владимир (Филантропов), архим. Систематическое описание рукописей Московской синодальной (патриаршей) библиотеки. Ч. I. Рукописи греческие. М., 1894. С. 272–274;

ценным из этих двух кодексов является Син. Греч. 230, датируемый XIII в. Начиная со второй половины XIX в. оба списка несколько раз привлекали внимание исследователей, однако в силу стечения обстоятельств их содержимое было введено в научный оборот лишь отчасти, причем имеющиеся публикации не отвечают современным требованиям. Таким образом, подготовка полноценного критического издания оглашений Афинского митрополита давно назрела и, более того, может считаться почетной задачей отечественной византистики. Настоящая работа представляет собой необходимый шаг на этом пути, в то же время впервые в мировой науке предлагая анализ проповеднического наследия Михаила Хониата, основанный на новейших методиках работы с византийским литературным текстом.

Источниковая база и хронологические рамки исследования. Как явствует из вышесказанного, основным источником для нашей работы служат поучения Афинского митрополита, в первую очередь его огласительные беседы. Этим определяется и интересующий нас промежуток времени, в основном соответствующий периоду святительского служения Хониата, т. е. 1182–1205 гг. В то же время мы привлекаем параллели и из других произведений этого автора, в т. ч. его писем, написанных уже после латинского завоевания. Кроме того, чтобы оценить проповеди Михаила Хониата в контексте византийской литературы XII в., нам приходится обращаться и к близким по жанру сочинениям его современников (Евстафия Солунского, Филагафа Керамевса, Неофита Затворника), многие из которых имеют несколько более раннюю датировку. Всё это, естественно, способствует некоторому расширению хронологических рамок работы.

Отдельной оговорки заслуживает та часть исследования, которая посвящена рукописной традиции поучений Михаила Хониата: обращаясь к кодико-

Фонкич Б.Л., Поляков Ф.Б. Греческие рукописи Московской Синодальной библиотеки: Палеографические, кодикологические и библиографические дополнения к каталогу архимандрита Владимира (Филантропова) М., 1993. С. 80.

логии сохранивших их рукописей, мы, естественно, не можем обойти вниманием и историю этих списков, которая лучше всего прослеживается начиная с XVII в. и продолжается вплоть до настоящего времени.

Степень изученности проблемы. В связи с тем, что проповедническая деятельность Михаила Хониата как таковая до сих пор крайне редко становилась самостоятельным предметом изучения, в настоящем разделе будет целесообразно рассмотреть две группы работ наших предшественников: посвященные жизни и творчеству Афинского митрополита и те, в которых рассматриваются общие вопросы, имеющие отношение к византийской гомилетике.

Особенно значимый вклад в изучение персоналии Михаила Хониата принадлежит С. Ламбросу, Г. Штадтмюллеру, а в последнее время — Ф. Колову. Греческий византист С. Ламброс впервые сделал доступной для ученого мира основную часть наследия Афинского митрополита, опубликовав в 1878–1880 гг. два тома критического издания его сочинений (в первый том вошли ораторские произведения, во второй — письма и стихотворения)². Исследователь также проделал большую научную работу, установив ряд основных вех биографии Афинского митрополита (в частности, С. Ламбросу удалось выяснить, что Михаил получил назначение на свою кафедру в 1182 г., а не в 1175 г., как это ошибочно считалось ранее). В начале XX в. С. Ламброс приступает к подготовке третьего, дополнительного тома сочинений Михаила Хониата, куда должны были войти его огласительные поучения: это издание, уже подготовленное к печати, не увидело света из-за смерти ученого, последовавшей в 1919 г.³

Появившаяся в 1934 г. монография Г. Штадтмюллера «Михаил Хониат, митрополит Афинский (ок. 1133 — ок. 1222)» интересна прежде всего как очерк

² Μιχαὴλ Ἀκομινάτου τοῦ Χωνιάτου τὰ σωζόμενα / Ἐκδ. ὑπὸ Σ. Λάμπρου. Τ. Α΄–Β΄. Ἐν Ἀθήναις, 1878–1880.

³ Некоторое представление о рукописи С. Ламброса ученый мир в то время смог получить благодаря обзору К. Диовуниотиса, опубликованному десятилетием позже: *Διοβουνιωτής Κ. Αἱ ἀνέκδοτοι κατηγορήσεις τοῦ μητροπολίτου Ἀθηνῶν Μιχαὴλ Ἀκομινάτου* // *Πρακτικὰ τῆς Ἀκαδημίας Ἀθηνῶν*. 1928. Τ. 3. Σελ. 296–315.

биографии византийского писателя, которую немецкий исследователь реконструирует со всей возможной тщательностью. Кроме того, ценность этой работы заключается в ее обширных приложениях, где ярче всего смогли проявиться эрудиция автора и аккуратность его анализа. Незаменима по своей полноте приводимая Г. Штадтмюллером сводка информации о местонахождении и составе всех рукописей, где сохранились сочинения Михаила, в том числе и неопубликованные на тот момент⁴. С истинно немецкой пунктуальностью автор выявляет все произведения, содержащие какие-либо хронологические ориентиры, что позволяет более точно датировать и остальные тексты⁵. Наконец, именно благодаря Г. Штадтмюллеру начинает выходить из научного обихода ошибочно приписанное братьям Хониатам фамильное имя «Акоминат», традиция употребления которого идет от первого издания «Истории» Никиты Хониата⁶.

Новый этап в изучении творчества Афинского митрополита связан с работами греческой исследовательницы Ф. Колову, из которых наиболее объемной является ее монография «К изучению биографии и творчества Михаила Хониата: эпистолярный корпус»⁷. Эта работа ценна прежде всего тем, что представляет собой своеобразную сводку всех исследований, появившихся со времени выхода монографии Г. Штадтмюллера и так или иначе связанных с самим Хониатом или его эпохой. В первой части книги содержится краткий обзор биографии Афинского митрополита и его сочинений. Вторая часть посвящена собственно эпистолярному корпусу Михаила, причем основное внимание уделяется попытке реконструировать круг общения писателя. Однако наибольший интерес, безусловно, представляет собой третья часть, написанная на стыке исторической и филологической наук и посвященная реконструкции мировоззрения

⁴ *Stadtmuller G. Michael Choniates, Metropolit von Athen (ca. 1138 — ca. 1222) // Orientalia Christiana. Vol. 33 — 2, No 41. Roma, 1934. S. 212–223.*

⁵ *Ibid. S. 237–273.*

⁶ *Ibid. S. 274–278.*

⁷ *Κολόβου Φ. Μιχαήλ Χωνιάτης: συμβολή στη μελέτη τοῦ βίου καὶ τοῦ ἔργου του: τὸ corpus τῶν ἐπιστολῶν. Ἀθήναι, 1999.*

Афинского митрополита. Материалом для этого служат используемые им художественные приемы и образы, причем от отдельных аллюзий, сравнений и аллегорий, характерных для эпистолярного жанра, исследовательница переходит к ключевым категориям мировоззрения автора, к числу которых относятся представления о дружбе и философии, о добродетелях, подобающих классически образованному мужу и его месте в окружающем мире. Итогом работы Ф. Колову над творчеством Афинского митрополита стала новая публикация его писем, заменившая второй том издания С. Ламброта⁸.

Помимо специализированных исследований, посвященных Михаилу Хониату, его сочинения привлекались в качестве источника авторами работ по различным аспектам византийской истории и культуры. При этом если до 90-х гг. прошлого века ученых в основном интересовали свидетельства Афинского митрополита о различных реалиях провинциальной жизни, в основном связанных с бедственным положением византийской Аттики накануне и во время латинского завоевания, то в последнее время наметился разворот в сторону более комплексного анализа мировоззрения автора, через призму которого тот воспринимал окружающую действительность. Так, М. Энголд в своей монографии «Церковь и государство в Византии при Комнинах: 1081–1261» пытается охарактеризовать общую парадигму, в рамки которой укладывались представления провинциальных архиереев, выходцев из образованных константинопольских кругов, о своих обязанностях, а в работе А. Кальделлиса «Эллинизм в Византии» Михаил Хониат рассматривается как одна из ключевых фигур переломного этапа в истории византийской общественной мысли, знаменовавшегося переходом от «ромейской» к «эллинской» идентичности.

Хотя обе упомянутые монографии рассматривают деятельность Михаила Хониата в качестве церковного иерарха, их авторы основываются в основном на материале его эпистолярного наследия. Отсюда видно, сколь важным делом

⁸ Michaelis Choniatae epistulae / Rec. F. Kolovou. Berolini, Novi Eboraci, 2001 [Corpus fontium historiae byzantinae. Vol. 41].

следует считать ввод огласительных бесед Афинского митрополита в научный оборот. Важный шаг по этому пути был сделан в последние годы группой сотрудников Афинского университета, осуществивших оцифровку архива С. Ламброса, в том числе и подготовленной им рукописи издания проповедей Михаила Хониата⁹. Это дало возможность греческой византистке К. Мавромати использовать их в качестве основы для статьи, недавно опубликованной в ежегоднике Βυζαντινὰ Σύμμεκτα¹⁰. Впрочем, в этой работе исследовательница прибегает к достаточно традиционной методике, связанной с извлечением из отдельных пассажей источника некоторой положительной информации, а потому и выводы ее не отличаются какой-либо принципиальной новизной. В конечном счете статья рисует привычную по работам других исследователей картину бедственного положения Афин, усугубляемого повальным любостыжанием местных жителей и жадностью налоговых чиновников.

Из отечественных исследователей, интересовавшихся наследием Михаила Хониата, заслуживают упоминания архимандрит (в дальнейшем епископ) Арсений (Иващенко), в 1901 г. опубликовавший четыре огласительные беседы этого автора¹¹, а также Ф.И. Успенский, искавший в сочинениях Афинского митрополита сведения об эволюции византийских социальных институтов и проникновении славян на греческие земли. В советское время Хониату уделил некоторое внимание А.П. Каждан, одним из первых поставивший вопрос о соотношении литературной традиции и авторского начала в творчестве авторов круга Евстафия Солунского. Однако особенно велика заслуга И.С. Чичурова, который первым в мировой науке попытался рассмотреть две московские рукописи поучений Михаила Хониата с точки зрения современных достижений

⁹ URL: <http://lamprosarcheio.arch.uoa.gr>, доступ 08.08.2012.

¹⁰ *Μαυρομάτι Κ.* Οι Κατηχήσεις του Μιχαήλ Χωνιάτη: Χρονολόγηση και Ιστορική Προσέγγιση // Βυζαντινὰ Σύμμεκτα. 2010. Τ. 20. Σελ. 39–66.

¹¹ *Αрсений (Ιβαщенко), επ.* Четыре неизданные беседы Михаила Акомината, митрополита Афинского. Новгород, 1901.

палеографии и кодикологии. Исследователю удалось убедительно доказать зависимость Син. Греч. 362 от Син. Греч. 230, предложить новую датировку обоих кодексов (XIII и XV вв. соответственно, а не XIV и XVII, как это считалось ранее), а также обнаружить наличие в древнейшем списке ряда лакун, обусловленных выпадением листов.

Что касается изучения византийской гомилетики вообще, то до недавнего времени оно ограничивалось в основном использованием отдельных пассажей, в которых так или иначе отражались обстоятельства произнесения проповеди. В то же время в XX в. появился ряд ценных работ, посвященных каталогизации наследия византийских проповедников и рукописной традиции их сочинений. Среди исследований такого рода особенно велико значение фундаментального труда А. Эрхарда «Рукописная традиция и состав агиографической и гомилетической литературы греческой Церкви»¹², на выводах которого во многом основываются и соответствующие разделы хорошо известного пособия Х.-Г. Бека¹³. Кроме того, весьма обширна литература, посвященная собственно богословской проблематике, однако ученых этого направления мало интересовала гомилетика средневизантийского периода, в которой содержательная сторона уступает место торжественному стилю красноречия.

Новый этап в изучении византийской гомилетики начался в 90-е гг. XX в., когда данная тематика привлекла внимание сразу нескольких молодых ученых (М. Каннингэм, Ф. Антонопулу, И. Лунде) на Западе. Залогом достигнутых ими успехов стало прекрасное знакомство с литературной традицией, в рамках которой византийские проповедники слагали свои речи. В 1990 г. британская исследовательница М. Каннингэм опубликовала статью со знаковым названием «Про-

¹² См. характеристику поучений Михаила Хониата у этого автора: *Ehrhard A. Überlieferung und Bestand der hagiografischen und homiletischen Literatur der Griechischen Kirche. Von den Anfängen bis zum Ende des 16. Jahrhunderts. Erster Teil. III. Bd. 3. Lieferung. Leipzig, 1940. S. 524.*

¹³ *Beck H.-G. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959. S. 629–638.*

поведь и общество». В этой статье автор ставит простые на первый взгляд вопросы, касающиеся того, как было организовано проповедническое служение в Византии. К какой части суточного богослужебного круга обычно привязывалась проповедь? Кому принадлежало право проповедовать в храме? Многие ли из слушателей были в состоянии вполне понять мысль проповедника? Наконец, был ли жанр проповеди подвержен какой-либо эволюции со временем? Как выясняется, современное состояние науки (да и доступных нам источников) не позволяет ответить на большинство из этих вопросов с уверенностью. Тем не менее, на основании косвенных данных исследовательница приходит к выводу о том, что приблизительно в VII в. гомилия перестает быть частью божественной литургии и переносится на утреню или всенощное бдение¹⁴. К тому же времени (VI–VIII в.) М. Каннингэм относит общее изменение стиля и продолжительности проповедей: по ее мнению, в этот период они становятся длиннее, а их содержание привязывается к изъяснению чтений из священного писания, составляющих основную часть утрени¹⁵. Наконец, констатируя тот факт, что большинство проповедей составлялось на искусственном языке, изобилующем риторическими красотами, исследовательница не решается с уверенностью сказать, была ли такая речь доступна пониманию слушателей¹⁶.

Ряд тезисов М. Каннингэм послужил основой для дискуссий в более поздних публикациях. В частности, Ф. Антонопулу в своей монографии о гомилиях Льва Мудрого оспаривает тезисы об изменении продолжительности гомилий и их привязки к конкретному моменту богослужения в период VI–VII в. Тем не менее исследовательница также относит к этому моменту времени некий рубеж, начиная с которого общий характер греческой проповеди претерпевает изменения. Ф. Антонопулу связывает это явление с общим упадком грамотности насе-

¹⁴ *Cunningham M. Preaching and the Community // Church and People in Byzantium. Birmingham, 1990. P. 43.*

¹⁵ *Ibid. P. 38.*

¹⁶ *Ibid. P. 35*

ления и стабилизацией канонов жанра¹⁷. Кроме того, она соглашается с ранее высказанным в литературе мнением, согласно которому в византийской гомилетике уже с IV–V вв. параллельно существовало два направления, причем одно из них концентрировалось на содержательной стороне проповеди, другое же стремилось поразить слушателей красноречием, вызвав у них определенные эмоции (слезы, радость или восхищение)¹⁸. По мнению автора, проповеди Льва VI являются свидетельством торжества второй тенденции, которая начиная с X в. решительно преобладает, хотя и не остается без возражений.

Много дискуссий вызвал также вопрос о доступности языка риторической проповеди для основной массы слушателей; при этом большинство исследователей было склонно допустить, что, возможно, мы недооцениваем образованность византийских горожан (в том числе и обитателей провинции). Кроме того, не исключено, что аудитория, привычная к определенному стилю красноречия, была хорошо знакома с типичными приемами построения проповеди и стандартными образами-топосами, применение которых, таким образом, не столько затрудняло, сколько упрощало восприятие сказанного¹⁹. Следует отметить, что эти суждения высказывались применительно к периоду VI–X вв., когда литературный греческий язык, по всей вероятности, еще не слишком радикально отличался от разговорного: обосновать их применительно к более позднему периоду было бы значительно сложнее.

¹⁷ The Homilies of the Emperor Leo VI. Leiden; New York; Köln, 1997 [The Medieval Mediterranean. Vol. 14]. P. 108–109.

¹⁸ Ibid. P. 258.

¹⁹ См. напр.: *Reisch D.R.* Literarische Bildung in Konstantinopel im 7. Und 8. Jahrhundert. Das Zeugnis Der Homiletiks // I manoscritti greci tra riflessione e dibattito. Atti del V Colloquio Internazionale di Paleografia Greca (Cremona, 4–10 ottobre 1998) / Ed. G. Prato. T. I. Firenze, 2000 [Papyrologica Florentina. Vol. XXXI]. S. 42; *Tsironis N.* Historicity and Poetry in Ninth-Century Homiletics: The Homilies of Patriarch Photios and George of Nicomedia // Preacher and Audience: Studies in Early Christian and Byzantine Homiletics / Ed. M. Cunningham, P. Allen. Leiden; Boston; Köln, 1998. P. 296.

Характерным для современных исследователей является также осознание того обстоятельства, что византийская проповедь во многом представляла собой плод общения автора с его слушателями, а не простой монолог. Таким образом, занимаясь изучением проповеди, мы должны попытаться выяснить, что представляла собой аудитория, для которой она предназначалась. Однако еще большее значение приобретает внимание к тем средствам, которыми мог воспользоваться проповедник, чтобы добиться желаемого отклика со стороны своих слушателей. Соответствующий круг вопросов был подробно рассмотрен в сборнике под знаковым названием «Проповедник и аудитория», вышедшем в свет в 1998 г.²⁰ Одним из таких выразительных средств является диалогическая организация речи, подробно рассмотренная норвежской исследовательницей И. Лунде в ее монографии о прославленном древнерусском проповеднике Кирилле Туровском. При этом исследовательница вводит важное терминологическое разграничение между вне- и внутритекстовым диалогом: первый термин указывает на процесс общения проповедника с его слушателями, тогда как под вторым понимается обмен репликами между выведенными автором персонажами священной истории, из-за которого проповедь иной раз приобретает характер драматического действия²¹.

Осознание того, сколь важную роль в организации средневекового текста играют различные художественные приемы, унаследованные от традиции, заставляет современных исследователей уделять больше внимания внешним формам византийского церковного красноречия. В этой связи заслуживает упоминания монография В. Валявичарской «Риторика и ритм в Византии», основанная главным образом на материале памятников византийской и древнеславянской гомилетики. Особенно важным для нас представляется тезис иссле-

²⁰ *Cunningham M., Allen P.* Introduction // *Preacher and Audience*. P. 2.

²¹ *Lunde I.* Dialogue and the Rhetoric of Authority in Medieval Preaching // *Dialogue and Rhetoric. Communication Strategies in Russian Text and Theory* / Ed. by I. Lunde. Bergen, 1999 [Slavica Bergensia 1]. P. 85.

довательницы о влиянии на христианскую проповедь так называемого «азиатского» стиля красноречия, для которого характерно повышенное внимание к звучанию произносимого слова. Несмотря на то, что азианизм, потерпев поражение в споре с приверженцами так называемого аттицизирующего стиля, уже в I в. по Р.Х. прекращает существование в качестве самостоятельного течения, некоторые его принципы оказались созвучными эстетическим вкусам поздней античности, а впоследствии получили новую жизнь в рамках христианской традиции²².

Зримым результатом возросшего интереса научной общественности к церковному красноречию ромеев стало появление в последние годы критических изданий ряда важнейших памятников византийской гомилетики: поучений св. Неофита Затворника (издание подготовлено группой греческих ученых во главе с В. Кацаросом)²³, огласительных бесед Евстафия Солунского (С. Шёнауэр)²⁴, гомилий императора Льва Мудрого (Ф. Антонопулу)²⁵.

В отечественной историографии последних лет наиболее близкими к нашей тематике являются две диссертационные работы, каждая из которых посвящена корпусу гомилий одного определенного автора. Речь идет об исследованиях И.В. Пролыгиной «Технический инструментарий позднеантичной риторики в текстах Иоанна Златоуста»²⁶ и Д.И. Макарова «Антропология и космология

²² Valiavitcharska V. *Rhetoric and Rhythm in Byzantium: The Sound of Persuasion*. Cambridge, 2013. P. 59–70.

²³ Αγίου Νεοφύτου τοῦ Ἐγκλείστου Συγγράμματα. Τ. Α'–Ε'. Πάφος, 1996–2005.

²⁴ *Eustathios von Thessalonike*. Reden auf die Große Quadragesima / Prolegomena, Text, Übersetzung, Kommentar, Indices besorgt von S. Schönauer. Frankfurt am Main, 2006 [Meletemata. Beiträge zur Byzantinistik und Neugriechischen Philologie herausgegeben von A. Kambylis].

²⁵ Leonis VI Sapientis imperatoris Byzantini homiliae, quas edidit Th. Antonopoulou. Turnhout, 2008 [Corpus Christianorum. Series Graeca. Vol. 63].

²⁶ Пролыгина И.В. Технический инструментарий позднеантичной риторики в текстах Иоанна Златоуста: диссертация... кандидата филологических наук. М., 2008.

св. Григория Паламы (на примере гомилий)»²⁷, демонстрирующих примеры различного подхода к довольно сходному материалу. Как это явствует из названия первой работы, внимание ее автора сосредоточено на технических аспектах ораторского искусства великого отца Церкви. Напротив, для Д.И. Макарова обращение к риторико-стилистическому оформлению гомилий Григория Паламы выполняет скорее вспомогательную роль, позволяя лучше раскрыть содержательную сторону гомилий. При этом список сюжетов, отобранных для анализа (это, прежде всего, космология и антропология, обозначенные в заголовке монографии, а также отражение в проповедях фессалоникийского святого современной ему социально-политической и культурной действительности), как нам представляется, отчасти определяется самим жанром проповеди: как выясняется, к рассмотрению примерно того же круга проблем побуждают и огласительные беседы Михаила Хониата.

Научная новизна диссертационной работы определяется тем обстоятельством, что проповедническое наследие Афинского митрополита по большей части до сих пор не было введено в научный оборот и не становилось предметом внимательного исследования. В результате слабо изученным остается не только внутреннее содержание гомилий, но и многие вопросы их рукописной традиции. В настоящем исследовании огласительные поучения Михаила Хониата впервые подвергаются всестороннему анализу, в котором уделяется внимание как месту этих текстов в византийской литературе своего времени, так и их значению в качестве источника по истории средневековой Аттики.

Цели и задачи работы. В силу плохой изученности основного источника одной из важнейших наших целей становится выяснение истории, состава и степени сохранности сохранившихся его рукописей (прежде всего Син. Греч. 230). Вторая цель заключается в том, чтобы вписать интересующие нас тексты в культурный контекст эпохи и исходя из этого наметить возможные пути их

²⁷ Макаров Д.И. Антропология и космология св. Григория Паламы (на примере гомилий). СПб., 2003.

изучения. Только после этого можно будет приступить к извлечению тех крупиц информации об окружающем мире — средневековой Аттике, Византийской империи и ее соседях — которые проповедник счел необходимым поместить среди своих наставлений духовно-нравственного характера. Исходя из этих целей можно определить список более частных задач, который будет выглядеть следующим образом:

— рассмотреть палеографические и кодикологические характеристики кодексов 230 и 262 Московского синодального собрания;

— выяснить вопрос о том, каким мог быть первоначальный состав наиболее ценного списка (Син. Греч. 230);

— уточнить датировку отдельных поучений Михаила Хониата в рамках периода 1182–1205 гг.;

— определить особенности морфологии и синтаксиса рассматриваемых текстов, их композиции, а также характер использования проповедником различных «цветов красноречия» и так называемых «идей», выделявшихся в античной риторике;

— охарактеризовать специфику обращения проповедника со своими источниками: текстам Священного Писания, сочинениям античных авторов и отцов Церкви;

— рассмотреть отношение Михаила Хониата к антропологической проблематике и аскетическому учению, сформулированному в трудах ряда авторитетных наставников монашеской жизни;

— попытаться определить социальный состав аудитории Афинского митрополита;

— собрать воедино свидетельства проповедника о положении Аттики, страдавшей от налогового гнета и пиратских набегов, и оценить их специфику в сравнении с другими источниками, в первую очередь письмами того же автора;

— показать, как в контексте проповеди отразились представления Михаила Хониата о соседних с империей народах.

В соответствии с характером подлежащих решению задач **методология** нашего исследования совмещает подходы, свойственные нескольким областям научного знания. В частности, характеристика московских рукописей основывается на приемах палеографического и кодикологического, а в тех случаях, когда существует возможность сличения нескольких списков — также и текстологического анализа. Традиционный характер византийской проповеди, строившейся в соответствии с определенными канонами жанра, побуждает нас обращаться к методам филологической науки. К числу таковых относится лингвостилистический анализ, а также выделение используемых проповедником художественных образов, заимствований, клишированных выражений с последующей попыткой объяснить как принципы подбора таких элементов, так и изменение их значения в новом контексте. Разумеется, мы не можем обойтись и без более традиционной методики исторического исследования, предполагающей извлечение из источника некоей положительной информации. При этом принцип историзма заставляет нас и здесь постоянно учитывать специфику церковного красноречия, в силу которой любые сведения принимают в устах проповедника тот вид, какой представляется ему наиболее целесообразным с точки зрения духовного наставления паствы.

Практическая значимость работы определяется прежде всего тем обстоятельством, что материал, собранный в исследовании, дает представление о различных аспектах содержания поучений Михаила Хониата, которые сами по себе являются важным памятником кризисной эпохи конца XII в., когда Византийская империя находилась на пороге распада. В то же время исследование представляет собой необходимый этап на пути к подготовке полного критического издания поучений Афинского митрополита. Кроме того, наши наблюдения над языком и стилем сочинений Михаила Хониата могут оказаться полезными для дальнейшего изучения жанровых особенностей византийской гомилетики и византийской ученой прозы вообще.

Апробация диссертации. Диссертация обсуждена на заседании кафедры истории Средних веков Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, а также Центра истории Византии и восточнохристианской культуры Института всеобщей истории РАН.

Основные положения и теоретические принципы, лежащие в основе данного исследования, были сформулированы в докладах автора на научных конференциях, в выступлениях на семинарах и круглых столах, в числе которых международная конференция «Россия и средиземноморье» (Афины, 19–22 мая 2005 г.), XXI Международный конгресс византийских исследований византийских исследований в Лондоне (21–26 августа 2006 г.), XIX Всероссийская научная сессия византинистов «Российское византиноведение: Традиции и перспективы» (Москва, 27–29 января 2011 г.).

Основное содержание работы

Структура исследования. В соответствии с приведенным выше списком основных задачи исследования диссертация состоит из введения, включающего и обзор историографии, четырех глав, заключения, библиографии и списка сокращений. Кроме того, работа сопровождается тремя приложениями, составляющими отдельный том. В первом из них публикуются вместе с русским переводом и комментарием тексты избранных оглашений Афинского митрополита, составляющие около третьей части всего корпуса его поучений. Во втором приложении приводится иллюстративный материал (снимки отдельных страниц интересующих нас кодексов), а в третьем — таблица разночтений между разными рукописными версиями поучений Михаила Хониата на Крестопоклонную неделю и неделю Ваий (эти две небольших гомилии Афинского митрополита в отличие от его огласительных бесед сохранились во многих кодексах).

Содержание работы. Первая глава диссертации посвящена палеографической и кодикологической характеристике рукописей Син. Греч. 230 и Син. Греч. 262, а также некоторым вопросам внешней критики источника. Всё про-

поведническое наследие Михаила Хониата состоит из немногочисленных «тематических» гомилий и подборки огласительных бесед, с которыми архиерей должен был в силу сложившейся традиции ежегодно обращаться к своей пастве накануне Великого поста. Именно последние составляют основное содержание обоих московских списков.

Древнейшим и наиболее ценным из этих кодексов является Син. Греч. 230, по почерку (весь его текст, за исключением л. 290–290v, написан одним писцом) датируемый XIII в. Первые листы рукописи утрачены, а в ее начальной части имеется множество повреждений. На л. 18 имеется заголовок Κατήχησις στ' (6), а на л. 38 — Κατήχησις η' (8); далее нумерация гомилий идет без прерыва вплоть до 20-го оглашения, которое заканчивается на л. 229v. Из-за этих повреждений первоначальный состав рукописи вызывает ряд вопросов; И.С. Чичуров первым из исследователей попытался разрешить их с опорой на сигнатуры тетрадей и связность текста при переходе с листа на лист. В развитие его выводов можно констатировать, что начало 6-го поучения изначально находилось на 68-м листе рукописи, а от заголовка 8-го поучения его заголовок должен был отделяться еще 29 листами. Принимая во внимание размер сохранившихся гомилий, мы приходим к выводу, что рукопись изначально содержала все оглашения, существование которых следует предположить исходя из нумерации сохранившихся. Кроме того, ясно, что фрагмент, непосредственно предшествующий заголовку 8-го оглашения (л. 37–38), должен относиться к 7-му, хотя С. Ламброс отрицал сохранность каких-либо его отрывков в Син. Греч. 230. Тексты же гомилий 1–4 полностью утрачены, при этом первое оглашение известно по другому списку (Barocci 131)²⁸.

Далее, в результате исследования тетрадно-листовой формулы кодекса становится ясным, что наибольшие проблемы с идентификацией вызывает содержимое двух тетрадей, содержащих по шесть листов (лл. 1–6v и 31–36v),

²⁸ Об этом кодексе см.: *Wilson N.G. A Byzantine Miscellany: MS Barocci 131 described // JÖB. 1978. Bd. 27. P. 157–179.*

которые, надо полагать, когда-то были полными, но затем лишились своих внешних листов, а вместе с ними и сигнатур. Каждая из них содержит большой фрагмент текста, не имеющий ни начала, ни конца и лишенный заголовков, которые могли бы помочь с определением принадлежности не только последующего, но и предыдущего текста. Анализ содержания этих отрывков заставляет нас с некоторой долей осторожности также отнести их к 7-му поучению (таким образом, получается, что нынешнее положение первых шести листов в кодексе не соответствует первоначальному).

Л. 229v, содержащий концовку 20-го оглашения, лишь частично заполнен текстом. Со следующего листа писец начинает новый счет тетрадей и одновременно новый раздел рукописи (л. 230–290v), включающий еще шесть поучений. Последние также именуется *κατηχήσεις*, но помимо нумерации (21–26) имеют в заголовке указание на то, что каждое из них посвящено одному из пороков: блуду, сребролюбию, гневу, печали, унынию, тщеславию. Из содержания этих гомилий видно, что они, в отличие от остальных, были произнесены на протяжении одной и той же Четырдесятницы. Кроме того, как отметил уже К. Диовуниотис, в 10-м оглашении мы обнаруживаем пространное рассуждение о грехе чревоугодия, сопровождаемое обещанием в дальнейшем поговорить и о других греховных страстях; таким образом очевидно, что поучения данного раздела связаны с ним тематически и должны быть отнесены к тому же году.

В настоящее время кодекс заканчивается тетрадью из четырех листов (библионом), содержащей комментарий на Откровение Иоанна Богослова. Последний не является оригинальным произведением, а представляет собой подборку выдержек из хорошо известного толкования Арефы Кесарийского. Некогда ему предшествовал еще один раздел, состоявший из девятнадцати листов и заключающий в себе три «тематических» гомилии, известных и по другим спискам: на Крестопоклонную неделю, на неделю Ваий и на животворящий гроб Спасителя. Ныне эти девятнадцать листов хранятся в земельной библиотеке Дрездена под шифром А 93. Их выделение из состава московской рукописи, судя по всему,

связано с деятельностью немецкого филолога Х.Ф. Маттеи: как известно, последний, работая в конце XVIII в. над каталогизацией Синодального собрания, запятнал свое имя хищением ряда рукописных фрагментов.

В своих дополнениях к каталогу Владимира Б.Л. Фонкич высказал предположения о том, что Син. Греч. 230 является автографом Михаила Хонията, очевидно, имея в виду близость почерка основного писца данной рукописи к так называемому кругу Евстафия Солунского²⁹. В самом деле, для такого сближения имеются некоторые основания. В частности, напрашивается сравнение Син. Греч. 230 с другим кодексом Синодального собрания — списком комментариев Евстафия к «Илиаде» Гомера (Син. Греч. 73; 473 по каталогу архим. Владимира), который имеет близкий формат (350 × 250 мм) и написан на бумаге, обладающей аналогичными показателями³⁰. Почерк некоторых из писцов этой рукописи (в особенности второго писца, которым, согласно наблюдениям Б.Л. Фонкича, написаны листы 18v (частично), 69 (частично), 70v (частично), 71v–75v, 145 (частично), 146–162, 163–265v), будучи значительно более убористым, чем у основного писца Син. Греч. 230, тем не менее обнаруживает значительное сходство с ним в написании отдельных символов и лигатур.

²⁹ О проблеме автографов Евстафия и других кодексов его круга см.: *Wilson N.G.* Three Byzantine Scribes // GRBS. 1973. Vol. 14. P. 226–228; *Formentin M.* La grafia di Eustazio di Tessalonica // Bollettino della Badia greca di Grottaferrata. 1983. T. 37/1. P. 19–50.

³⁰ *Владимир (Филантропов), архим.* Систематическое описание рукописей Московской синодальной (патриаршей) библиотеки. Ч. I. Рукописи греческие. С. 708–709. Более подробное описание кодекса см.: *Бибиков М.В.* Московская рукопись комментариев Евстафия Солунского к «Илиаде» Гомера // Палеография и кодикология в СССР. С. 267–272. О датировке рукописи и ее связи с кругом Евстафия см.: *Фонкич Б.Л., Поляков Ф.Б.* Греческие рукописи Московской Синодальной библиотеки. С. 155; *Беляева Е.Г.* Автографы Евстафия Солунского // Кафедра византийской и новогреческой филологии. Вып. 1. М., 2000. С. 45–60.

В то же время в кодексе встречаются повреждения текста, которые сложно объяснить невольными ошибками самого автора. В частности, на л. 101 об. имеется редакторский значок, которым писец обозначил замеченную им лауну в тексте поучения. Еще одним серьезным аргументом против гипотезы об автографе, на наш взгляд, является ремарка τοῦ αὐτοῦ, т. е. «того же самого [автора]», стоящая в заголовке толкования на Апокалипсис, поскольку весьма трудно представить, чтобы автор, принадлежавший к византийской интеллектуальной элите, решился опубликовать эти заметки, лишенные всякой риторической обработки, под своим именем. Объяснить появление этих слов в кодексе, написанном рукой Михаила Хониата, можно лишь в том случае, если предположить, что тот изначально скопировал несколько сочинений какого-то другого автора, среди которых находились и выписки из толкования Арефы. Вот почему мы склоняемся к предположению, что Син. Греч. 230 мог быть создан кем-то из учеников Афинского митрополита, разбиравшим бумаги своего учителя после его смерти или отъезда.

Рукопись Син. Греч. 262, датируемая второй половиной XV в. является, как показал И.С. Чичуров, копией с Син. Греч. 230. Кодекс содержит большое количество пропусков и орфографических ошибок, но всё же представляет некоторую ценность для восполнения поврежденных мест, особенно многочисленных в начальной части древнейшего списка. Колляция обеих рукописей позволяет убедиться в их достаточно точном соответствии друг другу: те из пропусков текста в Син. Греч. 262, которые не являются случайными, обусловлены либо затруднениями с прочтением текста, либо нежеланием обрывать написанное на полуслове. Таким образом, кодекс дошел до нас целиком, а неполнота части содержащихся в нем текстов объясняется состоянием оригинала. Этим обстоятельством можно объяснить и своеобразный порядок расположения текстов в позднейшем списке, при котором первые по порядку нумерации поучения оказались в конце книги, а 8-е даже было разделено на две части: по всей видимости, переписчик начал свою работу с первой имевшейся в его распоря-

жении полной тетради, после которой не было нарушений нумерации, и лишь по завершении основного труда присовокупил к нему некоторые фрагменты текстов, взятых из начальной части протографа. При этом тот факт, что при переплете они оказались помещены в конце, а не в начале сборника, может объясняться и простой случайностью.

Происхождение сборника поучений Михаила Хониата, сохранившихся в Син. Греч. 230 вызывает много вопросов: мы не знаем, кем и когда было подготовлено рукописное «издание», а также не имеем никакого понятия о судьбе кодекса до его попадания в Иверский монастырь на Афоне. Часть имеющихся неясностей теоретически можно было бы устранить за счет изучения трансформации текста в рукописной традиции. Вот почему мы посвящаем отдельный параграф анализу редакций двух «тематических» поучений Михаила Хониата (на Крестопоклонную неделю и неделю Ваий), относительно широко тиражированных средневековыми переписчиками. Наш анализ показывает, что тексты этих гомилий, содержащиеся во всех трех основных рукописных сборниках сочинений Михаила Хониата (Laur. Plut. 59.12, Varocci 131 и Син. Греч. 230 вместе с дрезденским фрагментом), весьма сходны между собой. От данной редакции заметно отличается сохранившаяся в сборниках великопостных поучений (Serres M. Prodr. gr. membr. A 30 и Par. Gr. 773 для гомилии на Крестопоклонную неделю, Athous Kutlum. 35 и Par. Gr. 1186 для гомилии на неделю Ваий). Для первой из двух бесед можно выделить еще одну редакцию, которая, возможно, генетически связана с предыдущей: она содержится в эскориальском списке Y-II-10, созданном в образованных кругах Константинополя на рубеже XII–XIII вв. В то же время колляция рукописей, к сожалению, мало что дает для выяснения истории московского кодекса Син. Греч. 230, представляющего для нас наибольший интерес, хотя и показывает его значительную ценность для восстановления исходного текста обеих гомилий.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о датировке отдельных поучений в рамках периода 1182–1205 гг. В этой связи исследователи уже обращали

внимание на начало 16-го оглашения, где Михаил Хониат отмечает, что совершает свое служение уже шестнадцатый год. Отсюда вытекает естественное предположение о том, что гомилии в кодексе располагаются в хронологической последовательности. В то же время данная гипотеза не подтверждается нашим анализом других (к сожалению, крайне немногочисленных) оговорок проповедника, способных помочь с хронологической привязкой того или иного текста. В частности, упоминание о празднике Благовещения в беседе о печали, произнесенной в 4-ю неделю Великого поста, не позволяет отнести 10-е оглашение и связанную с ним группу гомилий о страстях к 1192 г. Таким образом, безопаснее будет допустить, что составитель сборника поучений (был ли им сам Хониат или кто-то из его учеников) стремился расположить тексты по порядку, но не смог в точности восстановить их хронологическую последовательность.

Вторая глава диссертации посвящена языку и стилю поучений Михаила Хониата. Данный сюжет приобретает большое значение в связи с трудноразрешимым вопросом о том, в какой степени язык и образная система его проповедей могли быть доступны пониманию провинциальной аудитории. Как известно, в Византии конца XII в. не существовало условий для перевода церковного красноречия на народный разговорный язык. В то же время литературная речь, ориентированная на классическую норму, могла иметь несколько регистров, выбор которых зависел от целей и уровня образованности автора³¹. Итак, к какому из этих регистров можно отнести поучения Михаила Хониата?

Чтобы ответить на этот вопрос, нам пришлось обратиться к творчеству двух других проповедников XII в. — калабрийского монаха Филагафа и кипрского затворника Неофита. Для анализа были отобраны тексты, связанные общей тематикой — прославлением крестного страдания Иисуса Христа, а также самого животворящего Креста как орудия спасения. Для Михаила Хониата

³¹ Ševčenko I.I. Levels of Style in Byzantine Prose // JÖB. 1981. Bd. 31. Hft. 1. (XVI. Internationaler Byzantinistencongress. Acten. I/1.) P. 291.

это прежде всего «тематические» гомилии (на Крестопоклонную неделю, а также на животворящий гроб Спасителя), а также 23-я огласительная беседа (о гневе), произнесенная в третье воскресенье Великого поста. Сравнение по таким параметрам, как предпочтение «аттических» форм, употребление двойственного числа, синтаксически корректная постановка перфекта и желательного наклонения показывают гораздо бóльшую изысканность речи Михаила Хониата и Филагафа в сравнении с кипрским затворником. Несколько иначе обстоит дело с разнообразными «цветами красноречия». Если Афинский митрополит использует их достаточно расчетливо и аккуратно, то Неофит Затворник и (в меньшей степени) Филагаф проявляют явную склонность к «гимнографическому» стилю речи, основанному на повторах и ритмических созвучиях. Таким образом, не подтверждается распространенная в историографии точка зрения, отождествляющая высоту стиля с торжественностью и изобилием риторических украшений.

Кроме того, при сравнении красноречия Михаила Хониата и Филагафа видно, что гомилии последнего выглядят в целом более «понятными» за счет своего экзегетического характера, при котором проповедник следует за священным текстом и лишь в проэмии может проявить некоторую самостоятельность в выборе материала. Поучения Афинского митрополита отличаются гораздо более сложной структурой, позволяющей выстраивать свои рассуждения в соответствии с их логической последовательностью. Отсюда следует важное заключение о том, что о принадлежности текста к определенному стилистическому регистру не следует судить на основании отдельных фрагментов (например, проэмия): лишь воспринимая литературное произведение как единое целое, мы можем оценить риторическое искусство автора.

Особенности структуры поучений Михаила Хониата рассматриваются в сравнении с оглашениями еще одного проповедника XII в., чья приверженность высокой риторике не вызывает сомнений — митрополита Фессалоникийского Евстафия. Хотя при беглом прочтении проповеди обоих авторов могут воспри-

ниматься как хаотическое нагромождение различных сюжетов, объединенных скорее ассоциативными связками, нежели внутренней логикой, сопоставление нескольких гомилий позволяет выявить общие закономерности их построения. Выясняется, что основная часть поучения обычно разделяется на «теоретический» раздел, содержащий характеристику того предмета, которому оно посвящено, и последующее увещание к слушателям, побуждающее их извлечь из рассуждений проповедника определенную духовную пользу. Внешним признаком перехода к «практической» части гомилии часто служит указание на то, что время поста как нельзя лучше подходит для того, чтобы положить начало покаянию. Знание этой особенности как раз и помогает нам идентифицировать фрагменты текста, сохранившиеся на лл. 1–6v и 31–36v. Еще один раздел, специфика которого сразу же бросается в глаза — это факультативное отступление, иногда предшествующее финальной инвокации. Эти небольшие по объему фрагменты текста чаще всего служат Афинскому митрополиту для того, чтобы непосредственно обратиться к разного рода житейским обстоятельствам, волнующим его паству, в силу чего именно они представляются наиболее привлекательными с точки зрения историка.

В то же время ориентация Михаила Хониата на «высокий» стиль красноречия не означала полного отказа от учета способностей аудитории. Это видно из 1-го оглашения, в котором проповедник упоминает, что его приветственная речь по прибытии в Афины осталась непонятой слушателями, в результате чего на этот раз ему пришлось говорить «неприхотливо (ἀφέλῶς) и ясно (σαφῶς)». Судя по всему, Хониат здесь вполне точен терминологически и имеет в виду идеи Гермогеновой теории красноречия — ясность (σαφήνεια) и простоту (ἀφέλεια) — обращение к которым, по его мнению, в данном случае оказалось наиболее уместным. Именно поэтому в тексте беседы мы наблюдаем тяготение к коротким колонам, заключающим в себе законченные мысли. Таким образом, автор, не желая перейти к более простому типу проповеди (например, экзегетической), пытается достичь большей простоты стиля в рамках античной науки о

красноречии, не допускавшей иной нормы языка, кроме позднеантичного койне с заметным налетом аттицизма. Любопытно, что эти усилия, судя по всему, дали ожидаемый эффект: в последующих огласительных беседах Афинский митрополит жалуется лишь на невнимание слушателей, но никогда — на отсутствие понимания.

В третьей главе рассматриваются художественные образы, речевые обороты, отсылки к элементам предшествующей традиции, с которыми сталкивается читатель в поучениях Михаила Хониата. Будучи несомненно увлечен классической древностью, проповедник в то же время в строгом соответствии с требованиями жанра обращается к античному наследию с некоторой осторожностью, и в основном там, где необходимо поставить добродетельных язычников в пример современникам-христианам. Такого рода экскурсы по возможности подкрепляются примерами из Священного Писания, заключающими в себе ту же мораль. Обращение Афинского митрополита с библейскими образами и цитатами исследуется на примере нескольких сквозных мотивов, встречающихся в нескольких гомилиях: к их числу относятся, в частности, толкование термина «тристаты» (Исх. 14) и состава ветхозаветного фимиама (Исх. 30, 34). При этом выясняется, что разъяснение смысла подобных аллюзий не требует обращения к библейскому контексту, как это предполагается рядом современных исследователей византийской и древнеславянской литературы: напротив, оно варьируется в зависимости от задач, которые ставит перед собой проповедник в каждом конкретном поучении.

Отдельному рассмотрению подвергается раскрытие в поучениях такой важной темы, как устройство человека, а также отношение проповедника к аскетическому учению о борьбе с греховными страстями, которое в XII в. культивировалось главным образом в монашеской среде. Хотя данный сюжет не является определяющим для богословских представлений Афинского митрополита, он проявляет к нему несомненный интерес, причем его познания в этой сфере, на-

сколько можно судить, основываются прежде всего на знакомстве с сочинениями св. Максима Исповедника.

В четвертой главе делается попытка оценить значение поучений Михаила Хониата в качестве источника сведений о византийских реалиях XII в. Одним из наиболее актуальных в этой связи является вопрос об аудитории Афинского митрополита, судить о которой можно на основании встречающихся в гомилиях элементов «внетекстового диалога». При всей традиционности таких обращений к присутствующим, они дают некоторое представление об их социальном составе. В частности, можно отметить, что проповедник гораздо реже адресует свои слова беднякам, чем состоятельным членам общества, которые, впрочем, в массе своей знакомы с производительным трудом (сельскохозяйственным или ремесленным) и именно на этом основании склонны презрительно относиться к неимущим. Достаточно многочисленны также пассажи, предназначенные для монашества и духовенства. Можно предположить, что именно такие люди, составляя своеобразную элиту провинциального общества, обладали достаточным образовательным уровнем для того, чтобы воспринять хотя бы основные положения поучений своего образованного иерарха.

Лишь изредка Афинский митрополит отвлекается от духовных наставлений, чтобы обратиться к земным проблемам, волновавшим его паству. Таковы плач об упадке Афин в первом поучении, экскурсы о тяжелом положении Аттики (в том числе пиратских набегах) в 8-м, 16-м и 18-м, о злоупотреблениях сборщиков податей в 12-м или об астрологии — в 11-м. При интерпретации подобных пассажей приходится иметь в виду специфику жанра, в соответствии с которой земные несчастья служат проповеднику поводом для того, чтобы напомнить своим подопечным о необходимости покаяния. Именно этим объясняется различие в интерпретации одних и тех же событий в 16-м оглашении Михаила Хониата и его же прошении на имя императора Алексея III (оба памятника должны быть отнесены к 1198 г.). Лишь в 12-й беседе Афинский митрополит изменяет этому правилу, чтобы, уже завершив плач о разорении Аттики

и как будто бы намереваясь перейти к традиционному нравоучению, прервать свою речь еще одной гневной филиппикой, обращенной к чиновникам налогового ведомства. Таким образом, обличение их произвола здесь выглядит даже более убедительно, чем в письмах, цель которых заключается в том, чтобы побудить влиятельных людей столицы прислушаться к жалобам афинян и их пастыря.

Особого внимания заслуживает содержащийся в 13-м оглашении длинный пассаж о соседних с Византией народах, чьи нравы и обычаи Афинский митрополит ставит в пример своим соплеменникам. Основная часть этого отступления посвящена «скифам», под которыми автор конца XII в. должен был подразумевать современных ему половцев. Данный фрагмент интересен как своим не вполне обычным для образованного византийца пафосом, так и тем, что проповедник, судя по всему, черпает свои сведения о кочевниках северного Причерноморья не только из литературных первоисточников, но и из свидетельств очевидцев.

В заключении диссертационного исследования суммируются наши наблюдения над поучениями Михаила Хониата и делаются общие выводы в соответствии с поставленными задачами.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Сравнение сохранившихся рукописей поучений Михаила Хониата показывает, что кодекс, ныне известный под индексом Син. Греч. 230, некогда включал все огласительные беседы Афинского митрополита (с первой по 26-ю), однако его начальная часть была утрачена уже в средневековье. К числу полностью или частично сохранившихся относятся все оглашения, начиная с 5-го, не исключая и 7-го, наличие фрагментов которого в рукописи ранее оспаривалось.

2. Хотя кодекс Син. Греч. 230 должен быть датирован началом XIII в., он, по всей видимости, не является автографом Михаила Хониата, а вышел из под пера кого-то из его ближайших друзей или учеников.

3. Писец кодекса, судя по всему, старался расположить разрозненные тексты поучений в хронологическом порядке, однако ему не удалось выдержать это правило до конца, в результате чего при датировке отдельных поучений нельзя полагаться на порядок их расположения в рукописи.

4. Исследование языка, стиля и образной системы поучений Михаила Хониата убеждает нас в том, что их можно с полным основанием отнести к высшему стилистическому регистру византийской прозы. Впрочем, понятие «высокого стиля» не идентично тому «торжественному» роду красноречия, который, по мнению многих исследователей, господствовал в византийской проповеди начиная с периода «темных веков».

5. Для каждой из гомилий Михаила Хониата характерна собственная довольно сложная структурная организация, анализ которой, однако, позволяет выявить некоторые общие закономерности. Проводимое нами различие между двумя частями поучений, которые можно условно обозначить как «теоретическую» и «практическую», оказывается полезным при попытке идентификации лишнего заголовка фрагмента текста, расположенного на лл. 31–36v, который мы считаем частью 7-го оглашения.

6. Характерным для проповедника является достаточно вольное обращение с заимствованиями из Священного писания и античных авторов, в результате чего в его устах цитата с легкостью вырывается из исходного контекста и приобретает новое значение. Таким образом, вызывает сомнения применимость к ученой византийской прозе некоторых современных методов исследования, основанных на восприятии цитаты как отсылки к некоему источнику, в котором и должен содержаться ключ к пониманию исследуемого текста.

7. Афинский митрополит проявляет несомненный интерес к аскетической традиции восточного христианства, где данная тематика была разработана наиболее подробно. В то же время познания его в этой области довольно ограничены, причем одним из основных их источников служат сочинения св. Максима Исповедника.

8. При всех ограничениях, обусловленных спецификой жанра, поучения Михаила Хониата обладают довольно значительной ценностью с точки зрения исследователя социально-экономической и политической истории. В частности, наш анализ показывает, что традиционные обращения к слушателям у Михаила Хониата не носят чисто этикетного характера и в самом деле сообщают кое-какие сведения о его пастве, позволяя, в частности, уточнить ее социальный состав. Другое, более очевидное направление работы заключается в изучении немногочисленных отступлений, в которых Афинский митрополит затрагивает такие сюжеты, как пиратские набеги, налоговый гнет, нравы и обычаи «варварских» народов.

Естественно, в полной мере раскрыть потенциал нашего источника возможно лишь при том условии, что тексты поучений будут полностью введены в научный оборот, а исследование их будет вестись с учетом специфики такого сложного для интерпретации типа источников, как памятники византийской гомилетики. Наша работа стоит лишь у начала этого пути.

Список публикаций по теме диссертации

Результаты проведенного исследования отражены в следующих публикациях соискателя (выделены статьи в изданиях, рецензируемых ВАК РФ):

***Крюков А.М.* Образованный проповедник на провинциальной кафедре: к вопросу об аудитории огласительных поучений Михаила Хониата // Византийский временник. 2008. Т. 67. С. 76–88.**

***Крюков А.М.* Проблема литературного стиля в византийской проповеди XII в. // ВВ. 2012. Т. 71. С. 102–122.**

***Крюков А.М.* Элементы аскетической традиции в византийской проповеди «высокого стиля» конца XII в. // Византийский временник. 2014. Т. 73. С. 108–126.**

- Крюков А.М.* Константинополь и провинциальное духовенство в эврипском деле 1183–1185 гг. // Историческая роль Константинополя (в память о 550-летию падения византийской столицы): Тезисы докладов XVI Всероссийской научной сессии византинистов. М., 2003. С. 44–47.
- Крюков А.М.* Оценка латинского владычества в письмах Михаила Хониата // Византия и Запад (950-летие схизмы христианской церкви, 800-летие захвата Константинополя крестоносцами): Тезисы докладов XVII Всероссийской научной сессии византинистов. М., 2004. С. 97–99.
- Крюков А.М.* Античные реминисценции в контексте гомилий Михаила Хониата // ΚΑΝΙΣΚΙΟΝ: юбилейный сборник в честь 60-летия профессора Игоря Сергеевича Чичурова. М., 2006. С. 205–217.
- Крюков А.М.* Земные скорби византийской провинции в контексте проповедей Михаила Хониата // Византийские очерки. Труды российских ученых к XXI Международному конгрессу византинистов. М.; СПб., 2006. С. 110–119.
- Kryukov A.M.* Reminiscences of antiquity in the homilies of Michael Choniates // Proceedings of the 21st International Congress of Byzantine Studies — London 21–26 August 2006 / Ed. by F.K. Haarer, E. Jeffreys, J. Gilliland. Vol. III. London, 2006. P. 366.
- Крюков А.М.* Византийцы и их соседи в проповедях Михаила Хониата // Причерноморье в средние века. Т. VII. СПб., 2009. С. 33–53.
- Крюков А.М.* Rec. ad op.: Discours annuels en l'honneur du patriarche Georges Xiphilin / Textes édités et commentés par Marina Loukaki, traduits par Corinne Jouanno. Collège de France — CNRS. Centre de Recherche d'histoire et civilisation de Byzance. Monographies 18. Paris, 2005 // Византийский временник. 2010. Т. 69. С. 367–370.
- Kryukov A.M.* Οι λαοί του βόρειου Εύξεινου Πόντου στα έργα του μητροπολίτη Αθηνών Μιχαήλ Χωνιάτη // Ρωσία και Μεσόγειος: πρακτικά Α' διεθνούς συνεδρίου (Αθήνα, 19–22 Μαΐου 2005). Τόμος Β'. Αθήνα, 2011. Σελ. 201–209.

Крюков А.М. Византийцы и русские в сфере искусства проповеди (на примере поучений Михаила Хониата и Серапиона Владимирского) // Византийские очерки. Труды российских ученых к XXII Международному конгрессу византистов. М.; СПб., 2011. С. 139–160.

Крюков А.М. К вопросу о сохранности корпуса поучений Михаила Хониата // Российское византиноведение: Традиции и перспективы. Тезисы докладов XIX Всероссийской научной сессии византистов (Москва, 27–29 января 2011 года). М., 2011. С. 134–135.